

МУРЯСОВ Р. З.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ТЕОРИЯ НОМИНАЛИЗАЦИИ

Явление, известное в лингвистической литературе под названием «номинализация», охватывает широкий круг проблем, имеющих отношение как к процессу, так и к результатам преобразования одних номинативных единиц в другие, их развертыванию или, наоборот, свертыванию, что свидетельствует о глубинных процессах межуровневого взаимодействия единиц языковой системы.

В немецком языкознании явление номинализации стало предметом исследования еще в начале 30-х годов, прежде всего в трудах В. Порцига [1]. Следует подчеркнуть, что исследование номинализации в немецком языкознании проводилось до и независимо от известных разработок трансформационной грамматики. При этом номинализация рассматривалась не как синтаксический вопрос, а как проблема словообразовательная и в значительной мере стилистическая. В работах, посвященных номинализации, на передний план было выдвинуто исследование тенденции к употреблению в немецком языке именных конструкций и вытеснению последними глагольных конструкций. При этом увлечение именными формами в немецком языке приобрело такие масштабы, что языковеды, усматривая в этом явную негативную тенденцию и плохой стиль, забили тревогу по поводу некоей «субстантивомании» (Hauptwörterei, Hauptwörterseuche, Substantivitis, Substantivomanie) [2].

Бурное развитие синтаксических теорий в последние два десятилетия и вовлечение в орбиту синтаксических исследований явлений словообразования, особенно «синтаксической деривации», или «транспозиции» [3—5], заставило германистов вновь вернуться к проблеме номинализаций, но уже на новой теоретической основе, т. е. с учетом достижений трансформационной и генеративной грамматик. Это обеспечило определенную перспективу исследования словообразования в новом ракурсе и способствовало рельефной экспликации связей словообразования с синтаксисом, которые раньше оставались в тени. Развитие теории номинализаций внесло одновременно определенный хаос, путаницу в терминологическую систему дериватологии, так как некоторые находящиеся традиционно в ведении словообразования и известные под другими названиями явления оказались включенными в круг новой теории. Сам термин «номинализация» оказался на пересечении таких общеизвестных, но не всегда однозначно употребляемых в теории словообразования понятий, как деривация, транспозиция, субстантивация¹. Осознание объема

¹ В немецкой грамматической традиции для имен действия используются термины «Verbalabstrakta», «Verbalsubstantive», «Verbide, nomina actionis», «Namen für Satzinhalte», «Satznamen», «Satzabstrakta» и т. п. В советской германистике они известны как «глагольные имена», «имена действия», «глагольные существительные», «отглагольные существительные».

этого термина и определение его границ зависит также от структурных особенностей того или иного языка.

Таким образом, в теоретическом контексте трансформационной грамматики идея номинализаций претерпела качественные изменения. Если раньше в центре внимания лингвистов была корреляция «глагол — имя действия», то теория номинализации в рамках трансформационной грамматики вышла за пределы слова. Расширился и инвентарь языковых ресурсов, включаемых в круг номинализаций. Некоторые лингвисты стали понимать номинализации слишком широко. Помимо классических номиналов (типа придаточных предложений, герундиальных форм, аффиксальных имен и т. п.) в класс номинализаций оказались включенными также отглагольные агентивные существительные (например, *killer*, что характерно для Ф. И. Ньюмайера, который номинализации определяет следующим образом: «Nominalization is the rule that creates „derived nominals“ and „action nominals“» [6, с. 142]). Такое расширительное толкование номинализаций размывает границы между номинализациями и словообразованием существительных вообще.

Как известно, Р. Б. Лиз, рассматривая номинализации в контексте трансформационной грамматики, определяет их как трансформы базисных ядерных предложений [7]. Однако во многих последующих исследованиях было достаточно убедительно показано отсутствие полного параллелизма между разными типами номинализаций (*predicative nominals*) и лежащими в их основе предложениями ввиду тяготения первых к идиосинкразии [8], а также наличия селективных и дистрибутивных различий между первыми и последними [9]. Не вдаваясь в анализ многочисленных источников, в которых можно обнаружить многообразие различных подходов к пониманию номинализаций (что, впрочем, достаточно полно представлено в монографии А. Колена [10]), отметим, что не все типы номинализаций в равной мере «синтаксичны» или, наоборот, в равной мере идиосинкратичны. Если чисто синтаксические номинализации, т. е. конструкции с сохранением финитной формы предиката (*whether-, that-clauses*), характеризуются минимумом расхождений с базисными предложениями, то в инфинитивных номинализациях усиливается тенденция к идиосинкразии, что, кстати, послужило для Н. Хомского и других лингвистов основанием для исключения деривативных номинализаций из трансформационного анализа.

А. Колен на основе изучения достаточно обширной литературы по проблеме номинализаций приходит к однозначному выводу, что нет «номинализаций» в том смысле, в котором этот термин употребляется в генеративной грамматике. По его мнению, здесь лингвисты имеют дело с своеобразным типом дополнений (*complements*), под которым он понимает обязательный член главного предиката предложения, включая подлежащее [10, с. 36].

Интересно отметить, что к аналогичному выводу пришли некоторые советские лингвисты, назвавшие подобные структуры «конструкциями с предикатными актантами» (КПА [11]).

Расширение круга явлений, включаемых в сферу проблем номинализации, и их перекрещивание с понятиями словообразования с необходимостью требуют рассмотрения типов номинализаций в их отношении к последним.

Транспозиция. Под транспозицией понимается такой словообразовательный акт, в результате которого изменяется только синтаксическая функция исходного слова, в то время как его основное, «вещественное»

значение [12], лексическое содержание [5] остается неизменным. В качестве классического примера приводится опредмечивание действия и качества. Транспозиция — это перевод слова одной части речи в другую, т. е. она носит межкатегориальный, межчлестеречный характер². Самым существенным признаком транспозиции является использование слов одной части речи в функции другой части речи. Если же при переводе слова из одной части речи в другую возникает семантический класс, субкатегория внутри части речи, то такого рода деривационный акт не может быть отнесен к транспозиции. С этой точки зрения любой (аффиксальный или безаффиксальный) переход «действие → опредмеченное действие», «качество → опредмеченное качество» и т. д. представляет собой транспозицию, между тем как переход «действие → агенс», «действие → инструмент действия», «действие → место действия» не относится к транспозиции. Любой словообразовательный акт, служащий внутренней семантической структуризации, субкатегоризации части речи, перестает быть грамматическим.

Понятие транспозиции не лишено внутреннего противоречия. С одной стороны, транспозиция, будучи межкатегориальной заменой, представляет собой грамматическое явление, если исходить из концепции, согласно которой части речи являются грамматическими категориями. С другой стороны, как справедливо отмечает В. М. Павлов, здесь возникает трудность теоретического порядка, а именно: считая, что при синтаксической деривации имеет место только функциональное переключение слова из одной части речи в другую без каких-либо изменений его лексического значения, мы допускаем, что категориальное значение (т. е. такие значения частей речи, как предметность, признаковость, процессуальность) не входит в лексическое значение слова [14]. В случае транспозиции основное противоречие заключается в категориальной гетерогенности плана содержания и плана выражения, а именно: трансформированный номен — это имя по совокупности парадигматических характеристик и синтаксическим функциям и глагол по характеру выражаемого им лексического значения. Это имена-«хамелеоны», одновременно выражающие и абстрактную предметность, и процессуальность.

Различаются три основных вида транспозиций: номинализация, вербализация и адъективация. Таким образом, номинализация понимается как наиболее типичная и продуктивная разновидность транспозиции. В свою очередь, номинализация охватывает ряд других явлений, имеющих непосредственное отношение к словообразовательным процессам. Под номинализацией в широком смысле следует понимать как процесс, так и результат преобразования слов других частей речи в существительные или превращение сегментов текста теоретически любой величины в эквивалент имени существительного. Тогда в круг явлений, охватываемых термином «номинализация», входят: субстантивация, деривативная номинализация и синтаксическая номинализация.

Рассмотрим различные виды номинализаций. Субстантивация как один из видов номинализаций включает в себя формально и функционально неоднородные явления. Субстантивация — высокопродуктивный, преимущественно внутритекстовой (textintern) и текстоориентированный способ

² Иное толкование транспозиции находим у Ю. С. Степанова, который к транспозициям относит также отглагольные агентивные имена типа *летчик, разметчик, читатель* и т. п., так как «они представляют собой, во-первых, изменение грамматического значения (*летать* → „тот, кто летает“ и т. п.), а во-вторых, регулярное изменение «вещественного» значения («профессия или социальная группа») [13].

словообразования существительных, занимающий абсолютно монопольное положение в словообразовательной системе немецкого языка. По своей продуктивности субстантивацию можно сравнить только с универсальностью грамматических категорий. В немецком языке нет такой единицы, такого сегмента текста, начиная с отдельно взятой буквы или морфемы и кончая частью текста, состоящей из нескольких предложений, которые бы не были подвержены субстантивации. Общим для многих языков типом субстантивации является так называемый гипостаз, цитатная субстантивация, характеризующаяся, как правило, специфической орфографией — заключением в кавычки и написанием с большой буквы, хотя это вовсе не обязательно, например: *Ein frostiges «Guten Abend» genügt wohl nicht, Unbehauen muß auch Händchen reichen* [15, с. 78]; . . . *Ein Herr Moll habe sich per Telefon sehr ungeduldig geäußert, auch ernst, murmelt ein kurzes «jaja, ich weiß» vor sich hin...* [15, с. 23].

При явлении гипостаза из текста как бы вырывается кусок, который в другой части текста функционирует как нечто целое. Гипостаз сохраняет формальную самостоятельность своих компонентов. Это унифункциональные синтаксические конструкции, но не обязательно универбы.

Субстантивация в собственном смысле в немецком языке предполагает прежде всего соответствующее орфографическое оформление и включение субстантивируемой единицы в систему грамматических категорий существительного, формальным выразителем которых выступает (определенный/неопределенный/нулевой) артикль. Субстантивированная единица, как правило, универб. Правда, цельнооформленность поликомпонентных универбов иногда условна, и графически она оформляется путем вставки дефиса между словами или слитным написанием. Характерно, что при этом субстантивируемые словосочетания и предложения сохраняют свою каноническую грамматическую оформленность: виды синтаксических связей между своими компонентами, порядок слов: *Sie boxten sich in die Rippen, alter Junge, altes Haus, zum Weißtdunoch waren sie gar nicht gekommen* [16].

К гипостазу примыкают так называемые «сдвиги», особенно окказиональные. По-видимому, в лингвистической литературе границы сдвигов очерчиваются неоправданно широко. С одной стороны, в группу сдвигов включаются полностью десинтаксизированные и подвергающиеся метонимическим и/или метафорическим переосмыслениям конструкции, формально соотносимые с повелительными предложениями³, например, *das Rührmichnichtan* «мимоза, недотрога», *der Springinsfeld* (разг.) «ветрогон», *der Taugenichts* «бездельник, шалопай, негодник», *das Stelldichein* «свидание». В современном немецком языке имеется также устойчивый сдвиг типа *die Verstehste* или *der Verstehstemich*, формально соотносящийся с моделью вопросительного предложения, но в действительности восходящий к вводному предложению, со значением «ум, понятливость, смекалка», ср.: *Er hat keinen Verstehstemich* «он недогадлив». С другой стороны, следует учитывать все те окказионализмы, которые имеют модели не только императивных имен, но и всех других типов предложений. Представляется, что это два разных явления.

³ Впрочем, как отмечает А. Линдквист, далеко не все так называемые императивные имена восходят к императивным предложениям. По его мнению, многие существительные, названные им «Satzwörter», в лингвистической литературе ошибочно соотношены с императивными предложениями и в действительности восходят к повелительным (*Hassenpflug, Haberecht, Habenichts, Taugenichts, Tunichtgut, Wagehals, Störenfried*) [17].

Кроме отдельных слов и их составляющих могут быть субстантивированы словосочетания: *Da war es wieder, jenes Bis-hierher-undnichtweiter...* [18, с. 272], простые распространенные и нераспространенные предложения — повествовательные: *ein Wolltemalundkonntenicht* [19, с. 361], *dieses Weißnichtwohin, Weißnichtwoher* [18, с. 267], вопросительные: *dieses Was-wäre-geworden-Wenn* [19, с. 426], повелительные: *mit vielen Schau-dochmal* [19, с. 130], эллиптированные: *...Und Gotti heilig will gerade ein Nun-aber-gute-Nacht sagen...*. Субстантивироваться могут также различные типы сложных предложений: *Jetzt nicht allein bleiben, die kleine Überlegenheit nutzen und eben jenes elende Ach-was-heut-ist-heut, Wer-weiß-ob-wir-morgen-nicht-alle-schon-tot, jenes gräßliche Torschlußgefühl, das er wohl herausspüren mochte* [18, с. 278]; *Erstlich den Feldküchenpferden, für die war es vorbei mit dem betulichen Kommst-du-heut-nicht-kommst-du-morgen...* [18, с. 308].

Иногда сентенциональные субстантиваты выполняют функции однородных членов предложения, при этом однородность наблюдается как между разными субстантиватами, так и между субстантиватом и другим существительным: *Ein Mann ist degradiert von Heimkehrer zum Dableiber, zum Achgottweißwas* [18, с. 558]. Целые словосочетания и предложения могут функционировать в качестве первого, атрибутивного члена поликомпонентных существительных: *der Bishierherundnichtweiter-Verein, die normfromme Diekirchemußindorfbleiben-Gemeinde, das erschreckend große Allesmußseinegrenzenhaben-Lager* [19, с. 296], *dieses Ich-rette-euch-Gefühl* [19, с. 341], *die zweckmäßigste Wie-krieg-ich-Glanz-aufs-Koppel-Methode* [18, с. 18], *in diesem winzigen Als-war-nichts-geschehen-Land* [18, с. 579]. Сложные предложения также могут выступать в качестве атрибутивных компонентов сложных слов: *dieses Verweile-doch-du-bist-so-schön Gefühl* [18, с. 82].

С точки зрения своей семантики подобного рода субстантиваты не однородны. Большинство из них представляет собой опредмеченное обозначение часто встречающихся в жизни людей типичных ситуаций и часто напоминает предложения-клише. Нередко субстантивации подвергаются высказывания героев произведений, изречения исторических личностей, а также актуальных в ту или иную историческую эпоху социальных девизов. Сентенциональный характер их значения сближает их с пословицами и поговорками.

Под явлением, называемым субстантивированным инфинитивом, скрываются два взаимосвязанных, внешне одинаковых, но по своей сути разных явления. Неверным представляется любой номинализованный глагол с *-en* квалифицировать как субстантивированный инфинитив. В рамках так называемых субстантивированных инфинитивов следует разграничить три группы слов: 1) устойчивые субстантивированные инфинитивы, т. е. лексикализованные номинализации, не нуждающиеся в тексте вообще и зафиксированные большинством лексикографических источников с той или иной степенью точности, например, *das Leben* «жизнь», *Ansehen* «вид, внешность», *Aufsehen* «сенсация», *Behagen* «приятное чувство, удовольствие», *Versprechen* «обещание» и т. д.; 2) номинализованные предикаты, за которыми было бы целесообразно закрепить название «предикатные имена, предикатные номиналы», указывающие на пропозитивный характер данного номинализованного комплекса; 3) окказиональные субстантивированные инфинитивы (имеются в виду те случаи, когда они представлены в тексте как в самостоятельном синтаксическом употреблении, так и как зависимый член предложения без синтаксических опор, т. е. актантов).

Любой глагол может выступать в двух ипостасях — в виде субстантивированного инфинитива и как ядро номинализованной пропозиции — в зависимости от того, является ли номинализованная форма с *-en* простым, «голым» определенным обозначением действия или она представляет собой компрессированный и преобразованный эквивалент предиката предложения с его актантами, ср.: *Reden ist Willensschwäche* [20, с. 128]; *Er hielt inne. «Ich sehe schon, mein Reden nützt viel»* [21, с. 37].

Однако не всегда представляется возможным провести четкую грань между указанными разновидностями номинализаций с *-en*. Если исходить из критерия возможности антецедентной или консеквентной ревербализуемости предикатных имен в тексте, то не всегда ясно, какова степень этой ревербализуемости и какая текстовая дистанция допустима между номинализованной и ревербализованной формами. Идеальным контекстом для номинализации предиката предложения следует считать рядоположность номинализованных и номинализуемых конструкций, например: *Wir, Kommunisten, sehen die Dinge anders als die Ausbeuter und ihre dienstbaren Geister. Unser Anderssehen gilt aber den Dingen. Es handelt sich um die Dinge, nicht um die Augen. Wenn wir lehren wollen, daß die Dinge anders gesehen werden sollen, müssen wir es an den Dingen lehren* [22, с. 381].

В тексте часто наблюдается дистантное расположение номинализаций и их финитных форм. Кроме того, следует подчеркнуть опосредованный характер пропозитивных номинализаций, выражающийся в том, что номинализация может быть соотнесена с синонимами, антонимами, вообще многими другими средствами текста, обеспечивающими референциальное родство между номинализациями и их мотивирующими финитными эквивалентами.

Наличие агентивно-пациентивной структуры обеспечивает номинализации относительную независимость от микротекста: *Nur einige Wochen vor den Jubiläums zum 200. Jahrestag der Besiedlung des fünften Kontinents durch Europäer beschäftigt sich die australische Öffentlichkeit...* [WP, 1987, 49, с. 9]⁴.

Предложения, состоящие из номинализаций с пациентивами, но не имеющие агента, при опоре на текст оказываются лично-субъектными номинативными предложениями: например: *Das Hersagen und Herunterleiern der Gewehr- und Maschinengewehrteile. Das Waffenreinigen, und immer wieder das Waffenreinigen. Das Ausbürsten der Rösche, das Befummeln der Hosennähte, das Polieren der Lederkoppel und Stiefel. Endlich das Putzen der Pferde* [23, с. 403].

Говоря о субстантивации инфинитива и номинализации предиката, следует указать на высокую степень грамматизованности этих процессов. Нередки случаи номинализации как отдельно взятой грамматической формы, например, таких форм, как инфинитив I и инфинитив II в активе, пассиве или стативе, так и грамматической оппозиции в целом: *...Für ihn ging es um Rechtgehabhaben, Freigesprochenwerden von der Geschichte...* [18, с. 18]; *Das meiste Leid kommt daher, daß sich so wenige Menschen auf das Vergessen und das Vergessenwerden einrichten* [24, с. 196].

Субстантивация инфинитива и номинализация предиката по своей продуктивности и универсальности (в смысле охвата ими лексики языка) могут быть поставлены на один уровень с грамматическими категориями. Правда, некоторые лингвисты указывают на те или иные группы глаголов,

⁴ В статье приняты следующие сокращения: WP — Wochenpost; RZ — Romanzeitung.

инфинитивные формы которых не могут быть субстантивированы. Однако сам факт выявления исключений, сама принципиальная возможность установления таких групп глаголов служат свидетельством высокой степени грамматичности этой модели. Более того, с точки зрения охвата глагольной лексики номинализации с *-en* характеризуются большей грамматичностью, чем некоторые грамматические категории глагола. Так, если категория залога испытывает на себе ограничения синтаксического порядка (как известно, непереходные глаголы не способны к образованию пассива), то номинализации в немецком языке, как отмечает Й. Томан, не имеют каких-либо синтаксических или морфологических ограничений и основными дистрибутивными ограничениями являются семантические [25, с. 84], т. е. те же, что и факторы, противодействующие универсальному характеру таких грамматических категорий, как лицо, число, время и т. д. Б. Зандберг выдвигает даже гипотезу, что существует прямая связь между дефектностью темпоральной парадигмы глагола и исключениями в функционировании модели номинализации с *-en* [26, с. 8]. Данное положение имеет принципиальное значение при решении вопроса, имеет ли место в каждом конкретном случае субстантивация инфинитива или номинализация предиката. Невозможность образования существительных с *-en* от глаголов с дефектной парадигмой говорит в пользу тезиса о предикатном характере номинализаций. Некоторые семантические группы глаголов легко номинализируются с *-en*, между тем как номинализации с другими суффиксами вообще невозможны или редки. Сюда относятся, например, глаголы звучания (*das elektrische Summen des Lifts, ein leises Klopfen, ein Stöhnen, das Schluchzen der Frauen, das Rauschen der Brausen, das Quetschen, das Zischen der Schier, das Jaulen des Hundes*).

В контексте теории номинализаций следует рассматривать также теорию пропозиций. Как отмечалось выше, номинализация в широком смысле ее понимания состоит из пропозитивной и непропозитивной частей, а пропозитивные номинализации, в свою очередь, подразделяются на предикативные пропозитивные номинализации и полупредикативные пропозитивные номинализации. Первый тип номинализаций можно было бы назвать чисто синтаксическим: синтаксическая структура не претерпевает никаких формальных изменений, если не считать включения номинализаций в состав матричного предложения с помощью препозитивных прономинальных компонентов *то, что* или прономинальных компонентов в сочетании со словом-идентификатором *факт* и его синонимами *тот факт, что; то обстоятельство, что*. Поэтому совершенно оправданной представляется квалификация некоторыми лингвистами подобного рода номинализаций как неполных [9]. Данный тип номинализаций не имеет отношения к словообразованию, и применительно к нему следовало бы говорить не о номинализации, а о прономинализации. Большой интерес представляет второй тип номинализаций, названных нами полупредикативными. Именно через этот тип номинализаций происходит глубинное взаимодействие синтаксического, словообразовательного и лексического уровней языка. Именно здесь осуществляется как в ретроспективном, так и в синхронно-динамическом плане процесс преобразования одних единиц языковой номинации в другие и можно проследить динамику цепи «предложение — словосочетание — (компрессированная, номинализованная) пропозиция — слово». Второй тип номинализаций представляет собой собственно номинализации, так как в качестве ядра номинализованной пропозиции выступает грамматически, т. е. морфологически (в немецком языке также орфографически), оформленное слово, харак-

теризующееся не только синтаксической функцией существительного, но и всеми теми парадигматическими характеристиками, которые присущи морфологии существительного как части речи (родовая спецификация, склонение по падежам, употребление с артиклем). Строго говоря, в данном случае речь должна идти о морфолого-синтаксической номинализации. Нуждается в уточнении термин «полупредикативная пропозитивная номинализация». Одни лингвисты считают, что понятие пропозиции носит родовой характер и пропозитивное содержание могут иметь как предикативные, так и непредикативные конструкции [27, с. 482]. Пропозиция определяется как «класс семантических объектов, десигнатов, в плане выражения соотношенных с элементарными предложениями, его редукциями и номинализациями, которые могут быть предикативными и непредикативными» [28, с. 28]. К непредикативным относится пропозиция, передаваемые словосочетанием, например: *После отъезда Ивана Ивановича мы переселились в другой дом* [27, с. 482]. Но если исходить из определения пропозиции как «предиката с заполненными валентностями» [29, с. 10], то, как отмечают В. Б. Касевич и В. С. Храковский, «носителем предикативности выступает пропозиция, а носителем объективной модальности — внутренняя модальная рамка» и, следовательно, «предикативность с семантической точки зрения — не что иное, как сопоставление предикату его актантов» [29, с. 12].

Таким образом, с точки зрения семантической грамматики перед нами в обоих случаях — предикативная номинализация, а с точки зрения формально-структурной номинализованная пропозиция подпадает под категорию непредикативных единиц, так как предикативность не выражена финитной формой глагола. Как раз эта половинчатость признаков предикативности у номинализованных пропозиций — сохраняется актантная структура глагола, но сохраняется не в каноническом, а в грамматически преобразованном виде — позволяет нам рассматривать номинализованные пропозиции как полупредикативные.

Рассмотрим некоторые синтаксические или, шире, текстовые особенности полупредикативных номинализаций. Как известно, глагол, согласно вербоцентрической концепции предложения, образует ядро, а остальные члены принято считать его актантами. Поскольку номинализации определяются как класс конструкций, выполняющих в предложении функции именных фраз и коррелирующих с лежащими в их основе предикатными пропозициями, свертывание последних не может не сопровождаться изменениями в его синтаксической структуре, хотя пропозитивная структура остается одной и той же. Номинализация предиката матричного предложения (*mother-sentence*) [9], где он является коммуникативным ядром, и включение его в состав следующего, расположенного непосредственно за ним или дистантно предложения в качестве темы (в целях обеспечения коммуникативной перспективы высказывания при развертывании, прогрессии текста), невозможно в отрыве от аргументов предиката подвергающегося номинализации предложения. Номинализация сохраняет не только лексическое значение базового глагола, но с той или иной степенью последовательности и полноты и его аргументы. Важнейшими актантами глагола являются агентив и пациентив, т. е. субъект и объект действия, а также обстоятельства. Однако нет прямого соответствия между агентивом и пациентивом номинализации и подлежащим и субъектом в поверхностной структуре канонического предложения в действительном залоге. В номинализации агентив и пациентив выступают в синтаксически преобразованном, трансформированном виде. Роль агенса в но-

минализованной пропозиции выполняет субъектный генитив (*genitivus subiectivus*), пациентс находит свое выражение в объектном генитиве (*genitivus obiectivus*).

Агентивно-пациентивная аргументная структура характерна для номинализаций с разными суффиксальными моделями. Как правило, *genitivus subiectivus* сопровождает номинализации предикатов, выраженных непереходными, в особенности так называемыми субъектными глаголами: *Wilhelm Piecks Erscheinen wirkte auf die redaktionellen Durchhaltesozialisten wie eine eiskalte Dusche* [30, с. 61]. Максимальная облигаторность *genitivus subiectivus* наблюдается при номинализациях с *-en* глаголов звучания (*das elektrische Summen des Lifts, das Schluchzen der Frauen, das Rauschen der Brausen, das Stampfen des schnaufenden Pferdes, das Zischen der Schier*) и глаголов, выражающих мимико-жестовое поведение (*das Grienem, Grinsen, Gähnen, Lachen, Lächeln, Nicken, Schmunzeln*).

Богатым набором языковых средств выражения характеризуется пациентс номинализованного предиката и инфинитивной группы. Наиболее продуктивным из них является генитив объекта, или объектный генитив (*genitivus obiectivus*). В образовании номинализаций с пациентивным аргументом участвуют все продуктивные модели поля.

Следует указать на явный параллелизм и аналогию как в характере выражения, так и в продуктивности и частотности, а также в различной коммуникативной значимости между безличными, дву- и трехчленными формами пассива и номинализациями в сопровождении агентивов и пациентивов или без них, ср.: *Nach der Einführung des Braunschens Rohres als Bildwiedergabebauelement durch Manfred von Ardenne entwickelte sich das elektronische Fernsehen unaufhaltsam* (\approx *Nachdem das Braunschene Rohr durch / von Manfred von Ardenne eingeführt war, entwickelte sich...*) [WP, 1987, 24, с. 16].

Как и двучленный пассив, в немецком языке наиболее распространенной является модель номинализации предиката с пациентивным аргументом, которая легко может быть трансформирована в двучленную пассивную конструкцию: *Nach der Gründung der DDR begannen sich die Dorfbilder zu wandeln* [WP, 1987, 40, с. 16]. В номинативных предложениях субстантивированные инфинитивы также должны рассматриваться как номинализации, а именно как номинализованные эквиваленты безличного пассива или обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений с местоимением *man*, что носит очевидный характер в тексте: *Wiehern und Johlen, dann wird Rosa Luxemburg, die wehrlose, blasse Frau, in ihre Mitte gestoßen* [30, с. 91]. При наличии объектного генитива в составе номинативных предложений они могут быть трансформированы в двучленный пассив: *Dann das Dekret über die Konstituierung der Regierung, einer wie es heißt, «provisorischen Arbeiter- und Bauernregierung», die den Namen «Rat der Volkskommissare» führt. Verlesung der Namen der Mitglieder des Rates.* (\approx *Die Namen der Mitglieder des Rates werden verlesen*) [WP, 1987, 45]. Лишь «голая» номинализация без актантов может быть соотнесена с безличной пассивной копструкцией или с предложением с *man* без каких-либо объектов: *Irgendwo erhielt jemand laut einen Befehl. Klopfen an den Zimmertüren, Murmeln, Schließen der Zimmertüren. Noch da und dort ein Gehen. Irgendwo ein ferner Ruf... ein Hupen... sonst schwere, lesende Stille* [30, с. 93].

Номинализации так называемых субъектно-объектных глаголов могут употребляться как с актантами, унаследованными от соответствующих глаголов, так и без них, в зависимости от того, номинализован ли

субъектный ЛСВ глагола или его объектный ЛСВ, ср.: *Es ist nicht zu leugnen, daß das Trinken alkoholischer Getränke leicht der Kontrolle entgleiten kann...* [WP, 1987, 30, с. 30]. *Nun ist allgemein unsere gesellschaftliche Toleranz gegenüber dem Trinken sehr groß...* [WP, 1987, 30, с. 30]. Одно и то же существительное может сочетать в себе две семантические роли: оно может выполнять роль пациентива номинализованного предиката и роль агентива предиката матричного предложения, и, наоборот, агентив номинализации одновременно является пациентивом матричного предиката: «*Mehr als je*». *Der Soldat horchte auf das Gedröhn, das Motoren beim Anlassen verursachten* [31, с. 12]. [*Motoren* можно рассматривать 1) как агенс действия предиката *Gedröhn verursachen* и 2) как пациентив номинализованного предиката *Anlassen: der Motor wird angelassen/man läßt den Motor an*].

Аргументная конфигурация предиката не исчерпывается только его агентивно-пациентивной структурой. В и.-е. языках представлена богатая система предлогов, служащих обеспечению синтаксических связей между предикатом и его актантами — дополнением и обстоятельством. Предлоги в качестве средств обеспечения синтаксической связи глаголов и их номинализаций с другими словами в предложении не характеризуются константностью. Можно указать на следующие особенности их употребления: 1) управление глагольного предиката матричного предложения наследуется соответствующей номинализацией, 2) при номинализациях появляются предлоги, которые при соответствующих глаголах отсутствуют, 3) глагол и его номинализация имеют беспредложное управление, 4) глагол и номинализация употребляются с разными предлогами.

Между номинализацией и ее источником существует многообразие ана- и катафорических формальных и смысловых связей. В идеальном случае номинализация является как формально, так и семантически мотивированным продуктом текста. Это такие случаи, когда номинализация и представленные в дискурсе в виде антецедента или консеквента номинализируемые пропозиции характеризуются лексическим тождеством своих компонентов, но различным грамматическим оформлением последних. Однако в тексте нередко можно проследить отсутствие формальных связей между номинализацией и ее финитным эквивалентом. Тогда номинализация оказывается мотивированной только семантически. Здесь возможны самые неожиданные комбинации: полная, частичная формальная общность или отсутствие такой общности вообще. Тогда смысловая связь между номинализованными и финитными пропозициями как одна из разновидностей когезии текста носит опосредованный характер. Она выявляется через установление различных референциальных связей между частями глагола, например, таких, как синонимия, антонимия, гипонимия и гиперонимия, отношения лексических солидарностей, отношения пресуппозиции, наличие в ее окружении слов одного тематического ряда и т. д., т. е. всего того, что можно объединить под термином Ван-Дейка «*fact relatedness*» [32].

Когерентность, т. е. лексико-семантическая целостность текста и его частей (тем и микротем разного объема и сложности), ситуативная референция речевого произведения, степень осведомленности говорящего/пишущего и адресата сообщения о социальной значимости описываемых событий, включая их временные и пространственные характеристики, а также ряд других факторов обуславливают явление эллипсиса компонентов номинализованных пропозиций. Номинализация — это прежде всего повтор, указание, т. е. разновидность сигнификативного дейксиса, и уже одного этого достаточно для объяснения тенденции к устранению

всего информативно-избыточного. Особенно типичен эллипс агентива и пациентива номинализации при их тождестве с субъектом и объектом матричного предложения: *Er begann jetzt mit den Pflanzen zu spielen wie früher mit den Vögeln. Das Wachsen und Keimen im Garten erregte ihn* [23, с. 94].

Спектр значений, передаваемых номинализациями в сочетании с различными предложениями, достаточно богат. В них могут быть выражены все те синтаксические значения, которые характерны для придаточных предложений (темпоральных, уступительных, цели, следствия, причины, условия), а также инфинитивных конструкций с *zu*, *um... zu*, *ohne... zu*.

Особенно богатым набором значений обладают номинализации с большим количеством темпоральных предлогов, способные выражать все разновидности таксисных отношений, причем выражаемые ими таксисные отношения универсальны для всех временных ступеней (прошедшей, настоящей и будущей).

Имена действия не существуют в лексической системе языка в отрыве от других классов существительных. Уже самим фактом опредмечивания создается общая основа с другими существительными. Определенность, нечто предметно мыслимое испытывает на себе индуцирующее воздействие семиологического ядра предметности — существительных с конкретно-предметным значением. С этой точки зрения интересным представляется выявление степени «опредмеченности», «десинтаксизации» номинализаций, образованных по разным суффиксальным моделям, что прежде всего может быть осуществлено в результате анализа соответствующих классов производных как словарных единиц.

В суффиксальной системе существительных современного немецкого языка (впрочем, по-видимому, не только немецкого, но и других и.-е. языков) можно выделить три основных, первичных семантических пространства-поля — акциональности (*nomina actionis*), агентивности (*nomina agentis*) и качественности (*nomina qualitatis*) и значительное число вторичных, производных от первых деривационно-семантических полей, полей-сателлитов. Наиболее мощным семантическим потенциалом обладает поле акциональности, служащее богатым источником существования широко разветвленной системы полей-спутников. Диалектика развития семантической структуры номинализаций такова, что значение опредмеченного действия в большинстве моделей выступает в сочетании со значением состояния, возникшего как результат определенного этапа данного действия, его продукта, места, орудия и т. п. В конечном счете эти значения приобретают определенную автономию и являются единственными для некоторых производных. Так, в современном немецком языке выделяется целая группа вторичных по отношению к полю *nomina actionis* деривационных значений, являющихся единственными значениями производных: поле результативного пациенса, которое может состоять из двух зон — конкретно-результативного пациенса (*Aushang* «das öffentlich... Ausgehängte», *Einschub* «ingeschobenes Stück, Zusatz», *Gestrick* «das Gestrickte» [33]) и абстрактного результативного пациенса (*Ausspruch* «kürzere, bedeutsame Meinungsäußerung», *Entschluß* «der nach einer inneren Entscheidung gefaßte Vorsatz»), поле локативности (*Behausung* «Wohnstätte, Unterkunft», *Frosterei* «Betrieb, in dem Lebensmittel gefrostet werden»), поле инструментальности [*Drossel* (Techn.) «Vorrichtung in einer Leitung zum Regeln oder Absperren eigener Flüssigkeit»), поле агентивности (*Abwart, Koch*), поле абстрактности (*Abneigung, Ausdauer, Geruch, Frost*), поле собирательности (*Bereifung, Geröll, Kanalisation*), поле стива (*Befall*,

Bestürzung, Lähmung), поле пациентивности (*Geschenk, Gesteck*), поле единичных действий (*Husch, Hops, Knall*), различных конкретных предметов (*Aufmachung, Bekleidung, Leckerei*) и т. д.

Все перечисленные выше деривационно-семантические категории, входя в самые разнообразные комбинации как со значением акциональности, так и друг с другом, создают громадное число комплексных семантических моделей. Их оказалось около 70. Наиболее активными семантическими категориями deverбативных номинализаций, создающих многообразие семантических моделей, являются *nomina actionis, nomina loci, obiect. res. pass., nomina abstracta, nomina concreta, nomina stativa*. Базовое поле *nomina actionis* имеет модель-идентификатор, служащий его структурным стержнем и интерпретационной формулой всех суффиксальных моделей, конституирующих данное поле. Таковой является модель номинализации с *-en*, например: *Drehung* «das Sichdrehen», *Entlohnung* «das Entlohnen», *Einflug* «das Einfliegen», *Drill* «scharfes, tägliches Exerzieren, Üben» [33]. Производные поля результативных пациентивов содержат в своей семантической интерпретационной формуле перфектную форму пассива или причастия II: *Aufguß* «durch Aufgießen bereite Lösung», *Legierung* (Techn.) «durch Zusammenschmelzen von zwei oder mehreren Metallen erzeugtes Mischmetall», пациентивы соответственно эксплицируются через презенс пассив: *Gesteck* «etw., was auf den Hut gesteckt wird» и т. п.

Разнообразие семантических моделей производных в значительной мере обусловлено лексико-грамматическими признаками глаголов «переходность/непереходность» и «предельность/непредельность», вызывающими в производных рефлекс категории залога и вида. Из всех выявленных семантических моделей в 31 представлено значение, так или иначе связанное с категориями пассива, статива, локативности.

Из анализа семантической структуры производных, образованных по моделям, обслуживающим поле имен действия, можно заключить, что разным моделям свойственна различная степень вербогенности, т. е. сохранения глагольной семантики действия на категориальном уровне. Одна модель обслуживает только поле имен действия и может считаться моделью-идентификатором, так как значения или ЛСВ действия всех остальных моделей данного поля интерпретируются в словарях через однокорневую номинализацию с суф. *-en*, например: *Bevorzugung* «das Bevorzugen», *Anprall* «das Anprallen», *Abmarsch* «das Abmarschieren», *Ablage* «das Ablegen», *Kristallisation* «das Kristallisieren», *Absprung* «das Abspringen» [33].

Универсальность номинализаций с *-en* при интерпретации других акциональных моделей настолько высока, что она охватывает даже глаголы с *sich*, что невозможно ни в одной другой модели, ср.: *Qualifikation, Qualifizierung* «das Qualifizieren, Sichqualifizieren», *Erguß* «das Sicherergießen».

По степени сохранения глагольного характера своего лексического значения, т. е. по своей вербогенности, модели не одинаковы и образуют шкалу по мере убывания вербогенного характера своего значения. Убывание вербогенности предполагает развитие в семантической структуре производных конкретных предметных значений. Одни модели сохраняют высокую степень связи с глагольной семантикой, что является гарантом их высокой продуктивности в тексте (например, модели с *-ung, -ei, -tion, Ge.../e*), дру-

гие обслуживают в равной мере как свое первичное поле — *nomina actionis*, так и другие поля, в третьих моделях доминируют неакциональные значения, например, модели с *-e*, *-nis*.

Семантическая структура производных, образованных от аблаутных форм глагола, менее глагольна, чем другие модели, и характеризуется более четко выраженной тенденцией к развитию неакциональных значений. Речь идет о моделях, в которых участвует так называемая внутренняя деривация, например, *schneiden — Schnitt; geschrieben — Schriebe, aussprechen — Aussprache/Ausspruch; geben — Gabe; Fliehen — Flucht* и т. п. Это положение подтверждают статистические данные⁵. Так, из 990 существительных, образованных по моделям с суф. *-θ*, *-e*, *-t* и конфиксом *Ge...θ/e*, 440 (т. е. 44,4%) однозначно выражают акциональность, в то время как из 266 существительных, образованных по этим же моделям, но при участии форм основ претерита и причастия II, только 69 (т. е. 25,93%) могут быть отнесены к акциональным. Данное наблюдение позволяет прийти к заключению, что сравнительно большой удельный вес неакциональных значений (конкретно-предметных, сатива, пациенс, эфициенс и т. п.) является следствием рефлекса их грамматических значений в семантической структуре соответствующих производных существительных. Обращение их семантической структуры неакциональными значениями является дополнительным подтверждением того, что глаголы сильного спряжения составляют древний слой глагольной лексики. Морфологическая гибкость глагольных основ немецкого языка в словоизменении (явления преломления, перегласовки по умлауту и аблауту) имела далеко идущие последствия также для отглагольного словопроизводства. Именно этим обстоятельством можно объяснить богатые словообразовательные парадигмы основ сильных глаголов, ср. *Schreiben — Schrift, Schreiben, Schreiber, Schreibe, Schrieb, Schreibung, Schreiberei, Geschreibsel; fahren — Fahrt, Fuhre, Fähre, Fahren, Fahrerei, Fahrung*.

Поскольку в немецком языке номинализации может быть подвергнут почти любой глагол, некоторые типы номинализаций не нуждаются в лексикографической параметризации. Чем выше степень грамматизованности в смысле универсальности охвата лексики, тем меньшим количеством производных представлена модель в словарях, и наоборот, чем выше степень лексикализованности производных, образованных по данной модели, тем полнее их список в словаре. Продемонстрируем данное положение на примере номинализаций с *-en* и других суффиксальных моделей поля *nomina actionis*. Модель с *-en*, являющаяся самой продуктивной моделью номинализаций современного немецкого языка, характеризуется минимальной репрезентативностью в лексикографических источниках. Обычно в словарях представлены только устойчивые субстантивированные инфинитивы, которые рассматриваются как лексикализованные номинализации. Удельный вес таких лексикализованных номинализаций настолько ничтожен, что практически не представляется возможным определить, какую долю процента по отношению к номинализациям с *-en* они могли бы составить вообще. По нашим подсчетам, в первых трех томах Берлинского словаря современного немецкого языка (буквы *A — L*) зафиксировано всего 65 устойчивых инфинитивных субстантиватов с

⁵ Количественные данные взяты из первых трех томов словаря современного немецкого языка (см. [33]).

87 ЛСВ, что составляет лишь 3,82% по отношению к корпусу производных с *-ung*. Примечательно также, что их семантическая и функционально-стилистическая характеристики в корне отличаются от соответствующих характеристик окказиональных инфинитивных субстантивов и предикатных имен. Их семантическая особенность состоит в том, что они развились неакциональные, абстрактные и конкретно-предметные значения, а это находит свое отражение также в их морфологических характеристиках. Например, 28% из них способны образовать форму мн. числа, что не свойственно номинализациям с *-en*. Их семантическая особенность заключается также в том, что они характеризуются смысловой компактностью, а именно антропоцентризмом. В основном это существительные, обозначающие поведение, социальную позицию, желания и внутреннее состояние человека.

Анализ морфолого-словообразовательных, синтаксических, семантических и отчасти функционально-стилистических свойств номинализаций показал, что они характеризуются богатым спектром разновидностей, образующих континуум переходов от предложения к слову как лексической единице. Номинализации представляют собой тот механизм, с помощью которого одни номинативные единицы преобразуются в другие и который служит источником обогащения словарного состава языка. Высокая степень грамматизованности пропозитивных номинализаций, образующих ядро поля *nomina actionis*, обеспечивает их безграничную продуктивность и гибкость. С текстоцентрической точки зрения модели номинализаций относятся к наиболее текстоориентированным и текстообусловленным.

Будучи полупредикативными пропозициями, деривативные номинализации позволяют выразить пропозитивные значения в компрессированном, более экономном виде, чем их более развернутые и структурно более громоздкие и тяжеловесные синтаксические предикативные эквиваленты — предложения. Важнейшей причиной продуктивности и частотности номинализаций является их способность служить сигнификативным действенным средством, дающим возможность осуществлять коммуникативные преобразования в целях обеспечения тематической прогрессии дискурса.

Значительна роль номинализаций в выражении причинно-следственных отношений, а также в организации такого важного параметра текста, как временная ось. Благодаря номинализациям становится возможным построение глубоко эшелонированной объемной темпоральной перспективы текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Porzig W. Die Leistung der Abstrakta in der Sprache // Das Ringen um eine neue Deutsche Grammatik. Darmstadt, 1962. S. 267.
2. Daniels K. H. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Nominaler Ausbau des verbalen Denkkreises. Düsseldorf, 1963.
3. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // ВЯ. 1974. № 5.
4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
5. Dokulil M. K. Otázce slovnedruhových prevodu a prechodu, zvl. transpozice // SaS. 1982. Ročn. 43. Č. 4.
6. Newmeyer F. The precyclic nature of predicate raising // Syntax and semantics VI: The grammar of causative constructions / Ed. by Shibatani B. N. Y., 1976.
7. Lees R. B. The grammar of English nominalizations. The Hague, 1960.
8. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1966.

9. Vendler Z. Adjectives and nominalizations. The Hague, 1968.
10. Colen A. A syntactic and semantic study of English predicative nominals. Brussels, 1984.
11. Храковский В. С. Предисловие // Типология конструкций с предикатными актан-тами. Л., 1985.
12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 143.
13. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981. С. 186.
14. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразо-вания. Л., 1985.
15. Wengenheim I. von. Die Entgleisung // RZ. 1984. 1.
16. Schirmer B. Doktorspiel // RZ. 1981. 10. S. 32.
17. Lindquist A. Satz Wörter. Göteborg, 1961. S. 86.
18. Schulz. Laufen ohne Vordermann. Berlin, 1979.
19. Kant H. Das Impressum. Berlin, 1972.
20. Wogatzki B. Romanze mit Amélie // RZ. 1980. 4.
21. Kaufmann W. Stimmen im Sturm // RZ. 1981. 8.
22. Brecht B. Vorwärts und nicht vergessen... Moskau, 1976.
23. Strittmatter E. Wundertäter. Bd 1. Moskau, 1962.
24. Weisenborn G. Memorial. Berlin; Weimar, 1974.
25. Toman J. Wortsyntax. Eine Diskussion ausgewählter Probleme deutscher Wort-bildung // Linguistische Arbeiten. Bd 137. Tübingen, 1983.
26. Sandberg B. Die neutrale -(e)n-Ableitung der deutschen Gegenwartssprache // Göte-berger germanistische Forschungen. 1976. Bd 15.
27. Белошанкова В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Панов М. В. Современ-ный русский язык. М., 1981.
28. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
29. Касевич В. Б., Храковский В. С. От пропозиции к семантике предложения // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
30. Erpenbeck F. Wilhelm Pieck. Berlin, 1951.
31. Steinberg W. Fahndung nach dem Untier // RZ. 1983. 2.
32. Dijk T. A. van. Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. L.; N. Y., 1977. P. 47.
33. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bd 1—6 / Hrsg. von Klappen- bach R. und Steinitz W. Berlin, 1970—1978.